

Научная статья

УДК 340.155

DOI 10.33184/pravgos-2022.2.18

Тимонин Максим Анатольевич

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,
timonin.maxim2011@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ ПРИВИЛЕГИЯМ

Аннотация. Современный этап развития сложных государств характеризуется растущим равенством граждан в конституционно-правовой сфере. Особую значимость в этом плане приобретает американский опыт. *Цель:* проанализировать конституционно-правовые аспекты борьбы североамериканских штатов с привилегиями и иммунитетами на протяжении целого столетия – с конца XVIII по конец XIX в.; проследить исторические корни религиозной нетерпимости, их фиксацию в ранних формах американского конституционализма – ранних конституциях штатов и колониальных хартиях. *Методы:* исторический, логический, сравнительно-правовой, формально-догматический. *Результаты:* проведенное исследование позволило сформулировать вывод о том, что обеспечение конституционного равенства американских граждан, по крайней мере с сере-

дины XIX в., является совместным делом федерации и штатов. Их борьба с привилегиями и иммунитетами носила длительный характер, не отличалась последовательностью, в том числе и по отношению к религиозной нетерпимости. Последняя традиционно препятствовала утверждению в Северной Америке свободы вероисповедания начиная с самой ранней фазы колониального периода в ее истории.

Ключевые слова: конституция штата, конституционные запреты, привилегии и иммунитеты, равенство граждан

Для цитирования: Тимонин М.А. Из истории конституционного противостояния американских штатов привилегиям / М.А. Тимонин // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 169–179. DOI 10.33184/pravgos-2022.2.18.

Original article

TIMONIN Maxim Anatolievich

Bashkir State University, Ufa, Russia, timonin.maxim2011@yandex.ru

FROM THE HISTORY OF THE AMERICAN STATES CONSTITUTIONAL CONFRONTATION TO PRIVILEGES

Abstract. The current stage of development of complex states is characterized by the growing equality of citizens in the constitutional law sphere. The American experience is particularly important in this regard. *Purpose:* to analyze the constitutional law aspects of the struggle of the North American states with privileges and immunities for a century – from the late 18th to the late 19th century; to trace the historical roots of religious intolerance, their fixation in the early forms of American constitutionalism, i.e., early state constitutions and colonial charters. *Methods:* historical, logical, comparative legal, formal dogmatic methods are applied. *Results:* it is concluded that the achievement of constitutional equality for American citizens has been a joint

Введение. Конституционное противостояние привилегиям и иммунитетам в США имеет довольно долгую историю. В данной статье предпринята попытка исследовать конституционно-правовые аспекты борьбы североамериканских штатов с привилегиями и иммунитетам на протяжении целого столетия – с конца XVIII по конец XIX в.; проследить исторические корни религиозной нетерпимости, их фиксацию в ранних формах американского конституционализма – ранних конституциях штатов и колониальных хартиях.

Некоторые самые ранние конституции содержали положения, направленные на запрещение исключительных прав, аналогичных королевским привилегиям. Например, ст. 4 Декларации прав Вирджинии 1776 г. гласила: «Ни один человек или группа людей не имеет права на исключительное или отдельное вознаграждение или привилегии от общества, кроме как с учетом обществен-

federal and state endeavor since at least the mid-19th century. Their struggle against privileges and immunities was long and inconsistent, including in relation to religious intolerance. The latter traditionally prevented the establishment of religious freedom in North America since the earliest phase of the colonial period in its history.

Keywords: state constitution, constitutional prohibitions, privileges and immunities, equality of citizens

For citation: Timonin M.A. From the history of the American states constitutional confrontation to privileges. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 2, pp. 169–179. DOI 10.33184/pravgos-2022.2.18 (In Russian).

ных заслуг»¹. Аналогично данный запрет был сформулирован в Конституции Массачусетса 1780 г. В ст. 6 Декларации прав этого штата было установлено: «Ни один человек, ни корпорация, ни объединение людей не могут иметь другого права на получение преимуществ или особых и исключительных привилегий, отличных от тех, которые доступны всему сообществу, если только они не явились признанием особых заслуг перед ним»².

---

¹ Virginia Bill of Rights – 1776 // The federal and state constitutions, colonial charters, and other organic laws of the United States / by Ben. Perley Poore. Washington : Gov't Prt'g Office, 1878. Part II. P. 1909 [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 28.12.2021).

² Massachusetts Constitution. Part 1. A declaration of the rights of the inhabitants of the commonwealth of Massachusetts // The federal and state constitutions, colonial charters, and other organic laws of the United States. Vol. III. Kentucky – Massachusetts / by Ben. Perley Poore. Washington : Gov't Prt'g Office, 1909. P. 1890 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/federalstateconsozpooruoft> (дата обращения: 27.12.2021).

Борьба североамериканских штатов с привилегиями и иммунитетами (конец XVIII – конец XIX в.): конституционно-правовые аспекты. В первые годы существования американской нации некоторые суды штатов объединили конституционные запреты с принципами естественного права. В качестве явно противоречащих первым принципам гражданской свободы и естественной справедливости, а также духу Конституции США и законов они стали трактовать такие установления, когда каждый гражданин мог пользоваться привилегиями и преимуществами, в которых отказывали всем другим при схожих обстоятельствах. Аналогично они рассматривали установления о том, что любой гражданин должен понести лишения, ущерб, быть подвергнут искам или действиям, от которых все другие при подобных обстоятельствах освобождаются.

С конституционными положениями штатов, запрещающими неравные привилегии и иммунитеты, тесно связаны конституционные запреты на принятие специальных и местных законов. Многие из них были впервые приняты на волне популистского движения середины 1800-х годов. Как отметил выдающийся историк-правовед Д. Херст, «постоянной темой ограничений, введенных в конституции штатов после 1840-х годов, было желание обуздать особые привилегии» [1, р. 241].

Положения, запрещающие принимать специальные или местные законы, часто сохранившиеся в конституциях штатов, были направлены на противодействие созданию для отдельных групп или местностей особо благоприятного режима. Первоначально эти положения были продолжением той тенденции, которая начиная с 1850-х годов была направлена на ограничение законодательной власти. Конституционные запреты на специальные и местные законы были вызваны растущим недоверием общественности к законодательным органам, их восприимчивостью к чрезмерному влиянию со стороны групп с особыми интересами.

Поскольку законодательные органы штатов все чаще оказывались под влиянием

крупного бизнеса, в частности владельцев железных дорог и банков, в конституции штатов были внесены поправки, ограничивающие законодательную власть. Разнообразные конституционные механизмы были приняты для ограничения законодательной власти, и в первую очередь это конституционные поправки, запрещающие специальные и местные законы. В некоторых случаях эти поправки содержали подробные описания с указанием конкретных тем, которые не могли быть рассмотрены в рамках специального законодательства. Как правило, список запрещался общим запретом: «Во всех других случаях, когда может быть применен общий закон, никакой специальный закон не должен быть принят»¹. Антипатия к особым привилегиям также отражена в тех конституционных положениях штатов, которые гарантируют право на защиту при возмещении вреда или обеспечивают доступ к судам для обеспечения возмещения вреда. Эти положения восходят к Великой хартии вольностей, которая, чтобы противодействовать практике судов короля Иоанна по продаже ордеров за самую высокую цену, содержала ст. 40, гласящую: «Никому мы не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их»². Как и Великая хартия вольностей, конституции штатов были направлены на то, чтобы лишить суды особого отношения к привилегированным субъектам.

Конституционные предписания относительно специальных и местных законов, по аналогии с запретами на исключительные привилегии и иммунитеты, основаны на принципе, согласно которому правительство не может предоставлять кому-либо особые привилегии или исключительные права и ус-

¹ Constitution of the State Illinois. Adopted and Ratified, 1870 [Электронный ресурс]. URL: <https://ia800304.us.archive.org/34/items/constitutionofillinois/constitutionofillinois.pdf>. (дата обращения: 27.12.2021).

² Великая хартия вольностей // Памятники истории Англии XI–XIII вв. Рус. и лат. тексты Великой хартии вольностей и др. документов / пер. и введ. акад. Д.М. Петрушевского. М. : Соцэкгиз, 1936. С. 106.

танавливать кому-либо особые ограничения. По этому принципу закон должен быть беспристрастным как по своему содержанию, так и по своему применению. Любые политические предпочтения осуждаются. Запрещается дискриминация в отношении отдельных лиц или групп лиц. Ни власть, ни крупный бизнес, ни кто-либо еще не имеют права на режим особого благоприятствования со стороны правительства. Принцип равенства запрещает исключения или особый статус в соответствии с законом. Это означает, что не только все равны перед законом или имеют равный статус, но и то, что все имеют одинаковое право на результаты государственного управления. Поэтому неудивительно, что конституционное право штатов проявляет сильное отвращение к созданным государством монополиям.

Из пятидесяти конституций штатов наибольшее осуждение монополий демонстрирует, пожалуй, только Конституция Северной Каролины. В Декларации прав, включенной в состав этой Конституции, установлено, что «бессрочность и монополии противоречат гению свободного государства и не допускаются». Кроме того, в ней имеется прямой запрет на «любые наследственные вознаграждения, привилегии или почести»¹. Конституции других штатов также содержат положения, которые запрещают специальные права. Хотя они и менее явно направлены против монополий, тем не менее предназначены для их запрета. Запрещая специальные права, конституционное право штатов требует, чтобы законодательство отвечало общественным интересам. Другими словами, оно должно быть направлено на благо обществу, а не создано для групп с особыми интересами. Как выразился американский профессор права Л. Фридмэн, «законо-

---

¹ Amended Constitution of North Carolina – 1876. Declaration of Rights. Article I. Sec. 31, 30 // The federal and state constitutions, colonial charters, and other organic laws of the United States / by Ben. Perley Poore. Washington : Gov't Prt'g Office, 1878. Part II. P. 1437 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/federalstateconso2pooruoft> (дата обращения: 27.12.2021).

дательные органы должны были работать на общественные интересы; они не должны были принимать узкие, эгоистичные законы или выступать в роли инструментов для владельцев железных дорог и банков» [2, р. 333].

Таким образом, конституционные запреты специальных прав коренятся в философии гражданского республиканизма, согласно которой действия правительства должны продвигать общественные цели, а не частные или особые интересы.

Представление о том, что правительство существует, чтобы служить обществу, также отражено в конституциях штатов, которые требуют, чтобы государственные средства использовались только для общественных целей. Например, Конституция Иллинойса гласит: «Генеральная Ассамблея не должна выделять денежные средства из казначейства в целях обеспечения любого частного интереса»². В некоторых штатах, несмотря на отсутствие каких-либо явно выраженных конституционных предписаний, суды ввели в практику «доктрину общественных целей».

В штате Висконсин данная доктрина является устоявшимся конституционным принципом, хотя она не упоминается ни в одной из статей его Конституции. В ст. 7 Конституции Вермонта говорится: «Это правительство учреждается или должно быть учреждено для общего блага, защиты и безопасности народа, нации или сообщества, а не для особого вознаграждения или выгоды какого-либо отдельного лица, семьи или группы лиц, которые являются частью только этого сообщества»³. Та же мысль еще раньше была выражена в Конституции Род-Айленда: «Все

---

² Constitution Illinois. Adopted and Ratified, 1870. Article IV. § 16. P. 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://ia800304.us.archive.org/34/items/constitutionofillinois/constitutionofillinois.pdf>. (дата обращения: 27.12.2021).

³ Constitution of Vermont – 1786. Chapter I. A Declaration of the Rights of the Inhabitants of the State of Vermont. Article 7 // The federal and state constitutions, colonial charters, and other organic laws of the United States / by Ben. Perley Poore. Washington : Gov't Prt'g Office, 1878. Part II. P. 1868 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/federalstateconso2pooruoft> (дата обращения: 27.12.2021).

свободные правительства созданы для защиты, безопасности и счастья людей. Поэтому все законы должны приниматься во благо всего общества; и бремя государства должно быть справедливо распределено между его гражданами»¹. Таким образом, принцип, согласно которому законодательство должно быть направлено на общественные, а не на частные цели, глубоко укоренился в конституциях штатов.

В более поздние времена из конституционных положений штатов, которые запрещают специальное законодательство или привилегии, сформировалась особая доктрина. Эта доктрина основана на федеральных принципах, используемых для толкования положения о равной защите, которое содержится в федеральной Конституции. Фактически некоторые верховные суды штатов весьма откровенны в отношении принятия федерального подхода и прямо приравнивают конституционные положения своих штатов, запрещающие специальное законодательство или неравные права, к федеральному законодательству о равной защите гражданских прав.

В условиях реального федерализма ряд штатов реализовали свои полномочия, чтобы создать концепцию равенства, которая выходит за рамки федеральной модели равной защиты. Конституционные конструкции гражданского равноправия, созданные в отдельных штатах, как верно подметил В.И. Лафитский, ныне не только основываются на федеральной модели, но меняют ее и расширяют на новые области, выходящие за рамки равной защиты на федеральном уровне [3, с. 229]. Таким образом, проблема гражданского равноправия не относится к сфере исключительной федеральной компетен-

ции, ибо она решается совместными усилиями федерации и штатов.

Другое дело, что борьба штатов за утверждение гражданского равноправия в стране далеко не всегда отличалась последовательностью. Некоторые из причин, предопределивших столь своеобразное развитие данного процесса, восходят к самому началу колониального периода в истории Северной Америки. Специфика английской колонизации данного континента состояла в том, что даже на первых порах она носила строго однородный этноконфессиональный характер. Стремясь избежать в своих заокеанских владениях таких же острых, почти повсеместно происходивших во многих европейских странах межрелигиозных конфликтов, английское королевское правительство прилагало все усилия, чтобы в Америку переселялись только англосаксы-протестанты. Правда, Д. Лутц и Д. Уоррен настаивают на более широком составе религиозной эмиграции в Америку, включая в число тех, кто бежал в «английские колонии, спасаясь от репрессий или религиозных преследований на своей родине», католиков, квакеров, лютеран, гугенотов, моравских братьев, меннонитов и пиетистов [4, р. 3]. Думается, что в данном случае речь идет о поздних этапах английской колонизации Америки, когда собственно англосаксонское протестантское ядро в самых ранних колониях Англии было уже сформировано.

Но из этого правила могли быть исключения, лишь подтверждающие сложившуюся устойчивую традицию, в соответствии с которой даже европейцам, принадлежащим к иным, нежели англичане, конфессиям, доступ в английские колонии был крайне ограничен, а нередко и полностью запрещен. В результате такой сугубо избирательной политики население английских колоний в массе своей состояло из этнических англичан-протестантов, которые на протяжении длительного времени явно злоупотребляли своими правами не только по отношению к американским индейцам, но и немногочисленным католикам, иудеям, не говоря о чер-

¹The Constitution of the State of Rhode-Island and Providence Plantations. Adopted, November, 1842. Providence : Printed by Knowles and Vose, 1842. Article I. P. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ia600207.us.archive.org/5/items/constitutionofstoorhod/constitutionofstoorhod.pdf>https:// (дата обращения: 30.12.2020).

нокожих представителях африканского континента, обращенных ими в рабов.

На Юге Америки, том самом Юге, который привычно ассоциируется с неравноправием белых плантаторов и чернокожих рабов, еще в колониальный период большое распространение получило англиканство – своего рода сплав протестантизма с рудиментами католицизма. Самой первой колонией, основанной англиканами, по праву считается Вирджиния, в первой же колониальной хартии которой данный факт был зафиксирован юридически. Здесь подчеркивалась одна из главных целей основателей данной колонии, состоявшая в «распространении христианской религии среди таких людей, которые все еще живут во тьме и жалком неведении об истинном знании и поклонении Богу». Выдавая 10 апреля 1606 г. данную хартию своим единоверцам, английский король выразил надежду на то, что они «со временем могут привести иноверцев и дикарей, живущих в тех краях, к гуманной цивилизации»¹.

На деле колонисты не только Вирджинии, но и других колоний, основанных англичанами, гуманизму и цивилизации предпочли реализацию иных ценностей, которая обернулась для коренных жителей Америки тотальным разрушением их сообществ и, как следствие, массовым вымиранием многих индейских племен. Такое отношение к индейцам, родственное геноциду, практиковалось и англичанами, проживавшими в колониях американского Севера. Большинство из них было основано теми английскими подданными, которые, находясь еще на своей островной родине, отрицали любые компромиссы протестантской веры с католицизмом. Столь глубокие расхождения с официальной религией Английского Королевства грозили сепаратистам, пуританам, баптистам и другим сектантам многими лишения-

ми и бедствиями. Поэтому они стали целыми религиозными общинами переселяться за океан.

Наиболее влиятельная такая колония была основана пуританами в 1630 г. и получила название Массачусетс. Религиозно-политическим центром ее стал Бостон. Властвующая элита Массачусетса с таким же ожесточением стала преследовать инакомыслящих, с каким пуритане столкнулись у себя на родине. Не желая становиться жертвами теократического режима, утвердившегося в Бостоне, многие протестанты стали покидать территорию этой колонии и создавать свои собственные небольшие поселения за ее пределами. Так на политической карте Северной Америки появились новые колонии: Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Гэмпшир и некоторые другие.

Зимой 1638–1639 гг. руководство трех городков – Хартфорда, Виндзора и Уэзерсфилда – во главе с Т. Хукером разработало правовую основу объединения этих поселений в единую колонию, получившую известность как «Основные уставы» Коннектикута. В отличие от пуританской колонии Массачусетского залива, где вплоть до 1664 г. права гражданина (фримена) признавались только за членами церковной общины, в Коннектикуте любой житель колонии, который имел право голосовать в одном из городов, принимал участие в выборах магистратов. Поскольку право участвовать в гражданских делах было отделено от членства в церкви, Коннектикуту удалось сделать первые шаги на пути к полной «секуляризации принципов социального ковенанта» [4, p. 21].

Но не только Коннектикут своим фактом своего существования бросал вызов пуританским порядкам колонии Массачусетского залива. В Новую Англию прибывали все новые протестантские секты: антиномисты, сикеры, квакеры, баптисты, и все они выражали крайнюю степень недовольства по поводу отсутствия религиозной терпимости в пуританской колонии. Одним из первых, кто подверг публичной критике религиозно-политические порядки, царившие в колонии Массачусетского залива, стал Р. Уильямс. Однако

---

¹ First Charter of Virginia // Select charters and other documents illustrative of American history, 1606–1775 / by MacDonald W. New York : The Macmillan company ; London : Macmillan&Co., Ltd., 1904. P. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/macdonaldsdocsoowillrich> (дата обращения: 25.12.2021).

вскоре ему пришлось разделить участь всех тех, кто осмелился противостоять духовной монополии руководства этой колонии, – подобно другим инакомыслящим он подвергся преследованиям властей и был вынужден бежать к индейцам, с которыми ему удалось договориться о создании новой колонии. Так было положено начало Род-Айленду, «показавшему всему миру первый пример полной религиозной свободы и полного отделения церкви от государства» [5, с. 31]. Столь возвышенная оценка результатов деятельности Р. Уильямса, принадлежащая П.Г. Мижуеву, сегодня должна быть скорректирована в том плане, что взгляды американского «апостола свободы» во многом опередили свое время. В глазах его современников они выглядели настолько радикальными, что не могли быть восприняты его современниками и реализованы всеми английскими колониями. Род-Айленд на протяжении почти двух веков был вынужден оставаться одиноким примером практически полной религиозной свободы.

Заслуживает внимания и религиозно-политический опыт Мэриленда, Пенсильвании и некоторых других колоний. Ситуация в Мэриленде интересна тем, что владельцем этой колонии, С. Калвертом, она еще в Англии была задумана как прибежище религиозной веротерпимости, но не для всех конфессий, а только для единоверцев-католиков и протестантов. Назначив губернатором Мэриленда собственного брата, Л. Калверта, старший из Калвертов выдал ему инструкцию, пункт первой которой гласил: «Губернатор и уполномоченные во время их путешествия в Мэриленд должны быть очень осторожными, чтобы сохранить единство и мир среди всех пассажиров на борту судна, не допускать скандалов или каких-либо оскорблений, которые могут быть нанесены кому-либо из протестантов» [6, р. 16–17]. Поскольку мало кто из английских католиков решался совершать рискованные путешествия к берегам Америки, с момента основания первого их поселения – с 27 марта 1634 г., верхушка колонии могла рассчитывать только на постоянный приток протестантов, которых можно было привлечь сюда, практи-

кую здесь изначально веротерпимость. Впрочем, не стоит забывать о том, что политическая и духовная власть в Мэриленде принадлежала католической верхушке только на первых порах, в дальнейшем вся власть в этой колонии перешла в руки лидеров разросшейся англиканской общины, которые обрушили на католиков целую серию репрессивных законов. Католики Мэриленда, оставаясь в меньшинстве, были вынуждены считаться с тем, что англиканская церковь здесь, как и в четырех других южных колониях, рассматривала себя в качестве государственной церкви, оставляя представителям других конфессий возможность претерпевать все негативные последствия, связанные с ее привилегированным статусом [7, р. 356–388].

4 марта 1681 г. английскому аристократу квакеру У. Пенну была выдана королевская хартия, но только 27 октября 1682 г. ему удалось высадиться в Америке и приступить к освоению своих обширных владений, которым первоначально отводилась роль приюта для презираемых всеми и гонимых повсюду квакеров. Именно они-то и оказались первыми эмигрантами в его любимую Пенсильванию, названную им в честь своего отца. Но вскоре, привлеченные принципом неограниченной веротерпимости, провозглашенным самим У. Пенном, сюда устремились ревнителю всех вероисповеданий, и даже атеисты. Стоит ли удивляться тому, что спустя некоторое время «квакеры, которых Пенн рассматривал как будущих граждан своей колонии, оказались в меньшинстве» [8, р. 147]. Однако данное обстоятельство не оказало существенного влияния на уже сформировавшееся общественно-политическое устройство данной колонии. Более того, 28 октября 1701 г., во время своего второго и последнего визита в колонию, У. Пенн подписал Хартию привилегий, официально установив стабильные рамки правления, которые для своего времени были весьма либеральными. В этой Хартии им была вновь подтверждена неограниченная свобода веротерпимости всем лицам, проживающим на территории данной колонии и желающим «спокойно жить при гражданском правлении»,

которые «исповедуют и признают единого всемогущего Бога». Монотеисты «ни в коем случае не должны подвергаться преследованиям или осуждению» за свои религиозные убеждения или обычаи. Их «не должны были принуждать посещать или поддерживать какое-либо религиозное поклонение, место или служение вопреки их мнению или совершать какие-либо действия или страдать от любых других действий или поступков, противоречащих их религиозным убеждениям». Весьма примечательно и то, что «все лица, которые также исповедуют веру в Иисуса Христа, спасителя мира, должны быть способны служить этому правительству в любом качестве, как законодательно, так и исполнительно»¹. Таким образом, право занимать любые должности гарантировалось только христианам.

После победы патриотов в войне за независимость в конституционно-правовом развитии Северной Америки произошли важнейшие изменения: постепенно был осуществлен переход к федерации и на федеральном уровне были приняты Конституция США 1787 г. и Билль о правах 1789 г. Их ратификация придала новый импульс процессам отделения церкви от государства и утверждения свободы вероисповедания, но окончательно покончить с дискриминацией по религиозному признаку на уровне отдельных штатов не удалось. Так, ст. VI Конституции Северной Каролины содержала прямой запрет занимать официальную должность не только всем лицам, которые «должны быть осуждены за государственную измену, лжесвидетельство или за любое другое гнусное преступление, став гражданами США», но и в первую очередь той категории лиц, тем людям, «которые отрицают существование всемогущего Бога». Согласно же ст. VIII Конституции Теннесси «ни одно лицо, отрицающее бытие Бога или будущее состояние воз-

даяния и наказания, не должно занимать никаких должностей в гражданском департаменте этого штата»². Той же идеей руководствовались составители Конституции Мэриленда 1851 г., которая открывалась Декларацией этого штата. Статья 34 Декларации не содержала никаких других ограничений для лиц, принимаемых на любую должность, «связанную с доверием или прибылью», кроме «присяги». Конечно же, она предполагала «декларацию о жизни в христианской религии». Такого рода декларация требовалась даже от кандидата-иудея, который, присягая, должен был торжественно провозгласить «свою веру в будущее, посмертное состояние, когда каждому воздастся по его заслугам»³. Присяга фигурировала и в ранней Конституции штата Нью-Йорк. Статья VIII этой Конституции возлагала обязанность на каждого избирателя принести присягу в том случае, «если того потребует уполномоченный по выборам или любой из инспекторов». В противном случае «он не будет допущен к голосованию». Для квакеров такое исключение становилось строго обязательным правилом – присягая, они должны были «подтвердить свою верность штату»⁴.

² Constitution of North Carolina – 1868. Article VI. Sec. 5 // The federal and state constitutions, colonial charters, and other organic laws of the United States / by Ben. Perley Poore. Washington : Gov't Prt'g Office, 1878. Part II. P. 1430 ; Constitution of Tennessee – 1796. Article VIII. Sec. 2 // Ibid. P. 1672 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/federalstateconso2pooruoft> (дата обращения: 27.12.2021).

³ Constitution of Maryland – 1851. The Declaration of Rights. Article 34 // The federal and state constitutions, colonial charters, and other organic laws of the United States Vol. III. Kentucky – Massachusetts / by Ben. Perley Poore. Washington : Gov't Prt'g Office, 1909. P. 1715 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/federalstateconso3pooruoft> (дата обращения: 27.12.2021).

⁴ Constitution of New York – 1777. In Convention of the Representatives of the State of New York. Kingston, 20th April, 1777 // The federal and state constitutions, colonial charters, and other organic laws of the United States / by Ben. Perley Poore. Washington : Gov't Prt'g Office, 1878. Part II. P. 1334 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/federalstateconso2pooruoft> (дата обращения: 27.12.2021).

¹ Pennsylvania Charter of Privileges. 1701. October 28 / November 8 // Select charters and other documents illustrative of American history, 1606–1775 / by MacDonald W. New York : The Macmillan company ; London : Macmillan&Co., Ltd., 1904. P. 225 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/macdonaldsdosooillrich> (дата обращения: 25.12.2021).

Как видно, отдельные штаты даже на конституционном уровне сохраняли свою приверженность консервативным установкам, сложившимся еще в колониальный период и заметно сдерживавшим прогресс равноправия по всей стране. Правда, мало кто из американских ученых согласился бы с таким выводом. Напротив, многие из них, рассматривая аспекты колониального наследия, склонны особо выделять «стремление к равенству возможностей». Примером может служить творчество А. Невинса и Г. Коммаджера, с точки зрения которых последующая реализация этого стремления привела к «целому ряду перемен в социальной структуре Америки, ломавших самые различные социальные привилегии» [9, с. 63]. Было ли присуще данное стремление всем без исключения первопоселенцам Джеймстауна или же Массачусетса, стоит ли с ним жестко связывать борьбу с привилегиями, наметившуюся уже в колониальный период, различать ли по этому критерию разные типы общества, будь то европейское, русское или же американское, – вопросы, решение которых настоятельно требует проведения специальных крупномасштабных сравнительно-исторических исследований.

Здесь же мы должны отметить иное: препятствия на пути утверждения гражданского равноправия проявили себя не только в далеком колониальном прошлом Северной Америки и обнаруживают себя не только в конституционно-правовой сфере. В качестве единственного анклава, в котором многие компоненты романо-германского права устойчиво и долговременно сохраняются до сих пор, обычно рассматривается Луизиана. Действительно, по словам Л. Фридмэна, еще «во время покупки Луизианы она представляла собой загадочную, сбивающую с толку мешанину французского и испанского законодательства, смесь кодексов, обычаев и доктрин разных эпох». Но такая же картина наблюдается им же самим и в Техасе, который «сохранил систему общей собственности супругов» и «разделяет эти "пережитки" с Луизианой и рядом штатов, образованных

на территории Мексики, в частности с Калифорнией. Сам факт того, что эти институты продолжали существовать, несмотря на огромное давление общего права, указывает на то, что они были прочно вшиты в социальную ткань» [2, р. 171]. Мало того что юридические рудименты романо-германской правовой семьи, сохранившиеся в этих штатах, усложняли и без того пеструю картину правового плюрализма в США, они явно способствовали сохранению приниженного правового положения женщин в данных штатах.

Об этом предельно ясно поведал все тот же Л. Фридмэн в русскоязычном издании другой своей книги: «В штате с такой системой собственности, что бы ни заработал муж или какую бы собственность он ни приобрел, автоматически ее половина оказывается принадлежащей его жене и наоборот. Другими словами, в этих штатах семейная пара рассматривается, вообще говоря, как единое и неделимое "сообщество", до тех пор пока семейная пара не распалась. В случае распада семейной пары составляющие сообщества не остаются равноправными владельцами собственности сообщества. Муж "выходит сухим из воды": он имеет исключительное право управления и контроля над собственностью сообщества» [10, с. 40].

Борьба женщин за равноправие с мужчинами, борьба «цветного» населения против расовой сегрегации в США, вне всякого сомнения, заслуживают специального анализа. Здесь же ограничимся констатацией того, что предоставление подавляющего преимущества тем и другим в перспективе может привести и на практике приводит не только к позитивным результатам. Но это уже тема другого исследования.

Заключение. Весь комплекс проблем, так или иначе связанных с обеспечением гражданского равноправия американцев, в сознании многих исследователей обычно связывается с реализацией конституционных прав, зафиксированных в федеральной Конституции США, и, соответственно, с деятельностью федеральных органов США. В настоящем исследовании главное внимание

было уделено малоизвестной отечественным авторам проблематике, которая имеет самое прямое отношение к противостоянию американских штатов привилегиям, рассмотренному в историческом аспекте. Может показаться, что исторический опыт конституционного противостояния субъектов федерации привилегиям обесценивает федеральную Конституцию США, подрывает ее престиж, авторитет связанных с нею федеральных органов власти. Но это не так, ибо федеральная Конституция была принята после того, как появились конституции штатов. В процессе ее разработки отцы-основатели США должны были считаться с конституционными текстами, ранее принятыми отдельными штатами. Такая ситуация привела к изначальной взаимозависимости федеральной Конституции и конституций штатов. Однако с уверенностью утверждать, что обеспечение конституционного равенства американских граждан становится совместным делом федерации и штатов, можно по крайней мере с середины XIX в. Их борьба с привилегиями или иммунитетом носила исторически длительный характер, не отличалась последовательностью, в том числе и по отношению к религиозной нетерпимости. Последняя традиционно препятствовала утверждению в Северной Америке свободы вероисповедания, начиная с самой ранней фазы колониального периода в ее истории.

Список источников

1. Hurst J.W. The Growth of American Law: The Law Makers / J.W. Hurst. – Clark : The Lawbook exchange, Ltd., 2007. – 502 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=fT24smXtCKwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
2. Friedman L.M. A History of American Law / L.M. Friedman. – 4th ed. – New York : Oxford University Press, 2019. – 828 p. – URL: <https://b-ok.global/book/14621549/d18afd>.
3. Лафитский В.И. Основы конституционного строя США / В.И. Лафитский. – Москва : Норма, 1998. – 272 с.
4. Lutz D. A covenanted people: the religious tradition and the origins of American constitutionalism / D. Lutz, J. Warren. – Providence, Rhode Island : John Carter Brown Library, 1987. – 87 p. – URL: <https://archive.org/details/covenantedpeopleoolutz/page/n7/mode/2up>.
5. Мижув П.Г. История великой американской демократии. (С. Амер. соед. штатов) / П.Г. Мижув. – Санкт-Петербург : Тип. Брокгауз-Ефрон, 1906. – 276 с. – URL: https://www.studmed.ru/mizhuv-p-istoriya-velikoy-amerikanskoy-demokratii_a7ac3c45977.html.
6. Hall Cl.C. Narratives of early Maryland, 1633–1684 / Cl.C. Hall. – New York : Charles Scribner's sons, 1910. – 486 p. – URL: <https://archive.org/details/narrativesofearloohall>.
7. Russell W.T. Maryland; the land of sanctuary. A history of religious toleration in Maryland from the first settlement until the American Revolution / W.T. Russell. – Baltimore : J.H. Furst Company, 1907. – 621 p. – URL: <https://archive.org/details/marylandlandofsaoooruss/page/n9/mode/2up>.
8. Baird R. Religion in the United States of America / R. Baird. – New York : Arno Press & The New York Times, 1969. – URL: <https://archive.org/details/religion-in-the-usa>.
9. Невинс А. История США: от английской колонии до мировой державы / А. Невинс, Г. Коммаджер ; пер. с англ. В. Оболенского и Б. Прянишникова. – Нью-Йорк : Телекс, 1991. – 439 с.
10. Фридман Л. Введение в американское право : пер. с англ. / Л. Фридман ; под ред. М. Калантаровой. – Москва : Прогресс-Универс, 1992. – 284 с. – URL: <https://2lib.org/book/660735/ed59e3?id=660735&secret=e59e3>.

References

1. Hurst J.W. The Growth of American Law: The Law Makers. Clark, The Lawbook exchange Ltd. Publ., 2007. 502 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=fT24smXtCKwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
2. Friedman L.M. A History of American Law. 4th ed. Oxford University Press, 2019. 828 p. Available at: <https://b-ok.global/book/14621549/d18afd>.
3. Lafitsky V.I. *Osnovy konstitucionnogo stroya SSHA* [Fundamentals of the US Constitution]. Moscow, Norma Publ., 1998. 272 p.
4. Lutz D., Warren J. A covenanted people: the religious tradition and the origins of American constitutionalism. Providence, Rhode Island, John Carter Brown Library Publ., 1987. 87 p. Available at: <https://archive.org/details/covenantedpeopleoolutz/page/n7/mode/2up>.
5. Mizhuv P.G. *Istoriya velikoj amerikanskoy demokratii* [History of the Great American Democracy]. Saint Petersburg, Tip. Brokgauz-Efron Publ., 1906. 276 p. Available at: https://www.studmed.ru/mizhuv-p-istoriya-velikoy-amerikanskoy-demokratii_a7ac3c45977.html.
6. Hall Cl.C. Narratives of early Maryland, 1633–1684. New York, Charles Scribner's sons Publ., 1910. 486 p. Available at: <https://archive.org/details/narrativesofearloohall>.
7. Russell W.T. Maryland; the land of sanctuary. A history of religious toleration in Maryland from the first settlement until the American Revolution. Baltimore, J.H. Furst Company Publ., 1907. 621 p. Available at: <https://archive.org/details/marylandlandofsaoooruss/page/n9/mode/2up>.

8. Baird R. Religion in the United States of America. New York, Arno Press & The New York Times Publ., 1969. Available at: <https://archive.org/details/religion-in-the-usa>.

9. Nevins A., Commager H. A Pocket History of the U.S.A. New York, Pocket Books Publ., 1992. 736 p. (Russ. ed.: Nevins A., Commager H. History of the USA: from an English colony to a world power. New York, Telex Publ., 1991. 439 p.).

10. Friedman L.M. American Law: An Introduction. New York, London, W.W. Norton & Company, 1984. 416 p. (Russ. ed.: Friedman L.M.; Kalantarova M. (ed.). Introduction to American Law. Moscow, Progress-Univers Publ., 1992. 284 p. Available at: <https://2lib.org/book/660735/ed59e3?id=660735&secret=ed59e3>).

Информация об авторе

Тимонин Максим Анатольевич – аспирант кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Timonin Maxim Anatolievich – postgraduate student of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 29.03.2022.

The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 29.03.2022.